

В.В. БОГОМАЗОВА
(Волгоград)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ АДВОКАТА

Анализируется обязательная, ритуально закреплённая линия поведения адвоката на судебном заседании в корреляции с категорией чуждости, а также рассматриваются вербальные средства проявления данной категории

Ключевые слова: судебный дискурс, судебное заседание, коммуникативная категория, чуждость, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика

Процесс рассмотрения дела на судебном заседании является обязательной ритуальной частью судебного дискурса (СД), строго фиксированный состав агентов и клиентов которого подразумевает вербализацию каждым участником своих коммуникативных намерений в соответствии с отведённой ему ролью. Таким образом, осуществляется так называемая «коммуникация в своеобразных масках» (определение В.И. Карасика) [5]. Поэтому участники СД выступают уже не как отдельные личности, а как представители социального института, имеющие определённый статус с закреплённым набором прав и обязанностей. Так от адвоката ожидается защита обвиняемого, от прокурора – доказательство вины подсудимого, от свидетеля – правдивые показания, от судьи – справедливое решение. Каждый из обозначенных агентов придерживается своей правды и все, кроме судьи (а в некоторых случаях свидетеля), априори имеют противника на судебном заседании, т.е. эксплицируют категорию «чуждость» в своем коммуникативном поведении. Сам дискурс накладывает на людей определённые требования, соответственно отступление агентом от его линии поведения и ролевых установок мы оцениваем как пример проявления категории чуждости.

Адвокат или в рамках уголовного дела – защитник, а в гражданском деле – представитель ответчика или истца – одна из ключевых фигур судебного заседания, которая всегда противостоит стороне обвинения в состязательном процессе. По сути, вся деятельность стороны защиты сводится к защите прав подсудимого, в результате чего возникает некое единство «адвокат – подзащитный», которое направлено на борьбу с чужой оппозиционной стороной обвинения. Адвокат, в частности, пытается оградить пространство своего клиента, *отчуждаясь* тем самым от оппозиции. Это обязательная дискурсивно-обусловленная линия поведения адвоката, в рамках которой адвокат проявляет чуждость по отношению к: своему непосредственному оппоненту – прокурору, свидетелю, судье. Кроме этого, нам представляется возможным обозначить ещё одну дополнительную / факультативную линию поведения защитника, внутри которой выделяются два вектора: внутреннее отчуждение и несогласие с моральной составляющей действий подзащитного и отчуждение от системы и несоответствие сценарию своей роли в СД. По отношению к первой отметим, что на практике весьма трудно определить внутреннюю интенцию защитника, т. к. у него нет законных оснований отказаться от защиты согласно ст. 49, п.7 УПК РФ, однако негативный настрой адвоката может стать причиной самостоятельного отказа подсудимого от его услуг (ст. 52 УПК РФ). Касаемо второго вектора, можно привести следующие примеры: защитник не явился в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении, не подготовлен к процессу, не изучил материалы дела, его участие в доказывании идет во вред законным интересам обвиняемого или вовсе вопреки воле подзащитного. Все указанные действия можно оценить как скрытый отказ от защиты и соответственно невыполнение своих профессиональных обязанностей. Подчеркнем, что отчуждение адвоката в данном случае происходит и от своего профессионального сообщества, и от закона, т. к. все указанные действия влекут за собой строгое дисциплинарное взыскание. Целями данной статьи является рассмотрение обязательной дискурсивно-обусловленной линии поведения адвоката в корреляции с категорией чуждости и выявление характерных особенностей его вербального поведения.

Начнем с рассмотрения первой пары участников СД «адвокат – прокурор», т. к. данное противостояние вытекает из условий ведения судебного заседания, а именно обязательное наличие двух оппозиционных сторон защиты и обвинения, где защита является ответом на обвинение.

I. Адвокат – прокурор. Адвокат: *Ваша честь! Я хотел бы задать риторический вопрос нашим оппонентам. Как мог 24-го мая А. воспользоваться своим правом участвовать в судмедэкспертизе? Он должен был быть ознакомлен своевременно, чтобы воспользоваться своим правом на защиту и принимать участие в исследовании, если бы его допустил следователь. Поэтому это была обязанность следователя. Следователь не выполнил требования, которые на него возложены законом. Поэтому мы говорим о том, что данный документ был совершен с нарушением закона и является недопустимым* [3].

В своей реплике адвокат уже заранее программирует положительную реакцию суда на свое высказывание и прибегает к использованию **стратегии нападения**. Защитник прямо осуждает сторону обвинения в процессуальных нарушениях. **Тактика перевода внимания на действия третьего лица**, в нашем случае на следователя, подтверждает мнение защитника о субъективном подходе к делу и работает на реализацию генеральной идеи отчуждения стороны защиты от стороны обвинения. Предложение *Я хотел бы задать риторический вопрос нашим оппонентам* демонстрирует боевой настрой защитника, вербально он уже очертил границу личного пространства и пространства своих противников, используя лексему *оппоненты*. Модальность долженствования в форме прошедшего времени, подчеркивает невыполнение должностных обязанностей; глагол в отрицательной форме *не выполнил требования*, а также формулировки с отрицательным значением *был совершен с нарушением закона и является недопустимым* подтверждают факт нарушения прав подсудимого со стороны следователя. Как уже было отмечено нами ранее, агент СД, намеренно или ненамеренно нарушающий установленный порядок дискурса, определенно будет относиться к чужим.

В следующем примере: *Казалось бы, что сторона обвинения должна была бы об этом говорить, но вот в чем нарушены именно наши права. Владели ли потерпевшие на тот момент русским языком, неизвестно, поэтому есть основания полагать, что могли неправильно, не полностью понимать значение проводимых следственных действий*, адвокат использует **тактику критики с предосторожностью**, которая подкрепляет идею выражения категории чуждости. Адвокат прибегает к использованию условного наклонения, поэтому все его выводы о неправомерности действий стороны обвинения не прямые, а наводящие на размышления в пользу мнения защитника. Создается впечатление, что адвокат лишь делится мыслями вслух, но при этом он постоянно демонстрирует, что обвинитель *чуждой / враг* для стороны защиты, и старается убедить суд в незаконности его действий.

Еще один пример высказывания адвоката: *Я хочу обратиться к стороне потерпевших и сказать о том, что мы искренне уважаем их традиции и не ставим под сомнение ни чеченские, ни украинские, ни русские, просто хотим, чтобы нас правильно поняли, если что-то было произнесено двусмысленное, просим нас извинить, но тем не менее, ст. 178 действует на всей территории РФ, и по смыслу этой статьи эксгумация – это, дословно, извлечение трупа из места захоронения, а как усматривается из протоколов, фактически производилось лишь вскрытие места захоронения без эксгумации и уж тем более без исследования в соответствующем экспертном учреждении, причем трупов, которые не один день пробыли в месте захоронения и нужны были специальные исследования. Поэтому я хотел бы заявить, что, на мой взгляд, и в соответствии с практикой, эксгумации не проводилось, а проводилось лишь вскрытие места захоронения* [2].

Данный пассаж демонстрирует проявленную адвокатом **стратегию дискредитации** по отношению к стороне обвинения, связанную с ее некомпетентностью. Защитник, с одной стороны, использует **прием апелляции к моральному аспекту** и подчеркивает искреннее уважение и доброжелательность к другой культуре, а с другой – постоянно ссылается на непреложный авторитет закона, согласно которому действия прокурора были выполнены с некоторыми нарушениями, т.е.

адвокат постоянно эксплицирует идею отчуждения обвинения. Относительно ссылок адвоката к моральным нормам и принципу справедливости, отметим, что этот прием в рамках СД является довольно распространенным и дает основание предположить, что наряду с лицами, нарушившими закон государства, чужими для адвоката будут и те, кто нарушил нормы морали и устои общества.

II. Адвокат – судья. Перейдем к анализу категории чуждости, проявляемой в коммуникативном поведении пар агентов СД «адвокат – судья». Заметим, что проявление чуждости по отношению к судье возможно лишь в виде обоснованной и конструктивной критики, но ни в форме агрессивных нападок и обвинения. Помимо этого адвокат в общении с судьей не должен прибегать еще к одной крайности, а именно добровольное принятие униженного положения. Согласно правилам профессиональной этики адвоката, его поведение по отношению к суду должно быть достойным и всегда безупречным, отвечать особым, значительно более высоким стандартам, чем те, которые предъявляются к иным лицам [1].

Адвокат: *Ваша честь, я не о том. Для подрыва бензобака эффект будет тот же самый, и нет необходимости у лиц, имеющих доступ к заводским устройствам промышленного изготовления, нет необходимости изготавливать взрывное устройство кустарное, которое может не сработать и принести ущерб самому подрывнику. Кустарным изготовление взрывных устройств занимаются террористы, экстремисты, члены ВБФ, бандиты и прочие люди, не имеющие отношения к армейским структурам.*

Судья: *Т.е. суд Вас правильно понял, что Вы считаете, что можно было просто подорвать гранату и не морочить себе голову изготовлением каких-то взрывных устройств?*

Адвокат: *Я уверен, что профессиональные военные, а тем более саперы, не стали бы подрывать с помощью кустарно изготовленного взрывного устройства [3].*

Из приведенного эпизода мы понимаем, что защитник постоянно использует **стратегию защиты**, т. е. пытается отстоять права подзащитного и объясняет суду, что военнослужащий, более того сапер, не мог совершить преступление подобного рода в силу своих профессиональных возможностей. Защитник также использует **прием переноса акцента**: переводит внимание на действия третьего лица, указывает на прямые субъекты (*террористы, экстремисты, члены ВБФ, бандиты и прочие люди, не имеющие отношения к армейским структурам*), которые используют указанные кустарные взрывные устройства. Он вынужден использовать метаязыковые переформулирования при ответе на вопросы судьи. В результате, адвокат использует **прием противопоставления своих и чужих**, где, по убеждению защитника, свои – это профессионалы (*саперы, использующие готовые взрывные устройства*), а чужие – это непрофессионалы, использующие кустарные взрывные устройства. В данном случае категория чуждости играет смыслоорганизующую роль и подводит к мысли, что преступление было совершено кем-то другими, *чужими*, использующими кустарные устройства. Уверенность адвоката вербализуется с помощью средств модальной оценки **Я уверен, что профессиональные военные, а тем более саперы, не стали бы подрывать с помощью кустарно изготовленного взрывного устройства** или **Поэтому профессиональный военнослужащий, обладая фабрично изготовленными взрывными устройствами, не будет делать кустарное взрывное устройство.**

Рассмотрим еще один пример столкновения позиции адвоката и судьи. Возмущение адвоката и демонстрация им категории чуждости подкрепляется рядом невербальных маркеров (в данном примере мы имеем возможность учитывать использование невербальных средств – были использованы видеоматериалы судебного заседания по уголовному делу [6]). С самого начала выступления адвоката ощущается его боевой настрой и желание победить в борьбе, при этом адвокат эксплицирует категории чуждость: он резко отодвинул стул и начал свое речь с **тактики прямой критики** *Я считаю, что этот ордер, по которому именно Вы Ваша Честь ввели и рекомендовали его, в ущерб моей профессиональной репутации* (голос повышается). Судья начинает перебивать защитника, вставляет *«Остановитесь, остановитесь, остановитесь, Я Вам делаю замечание за некорректные высказывания в адрес председательствующего*, повышение голоса обоих агентов подчеркивает эмоциональную напряженность ситуации, данный факт способствует отчуждению их друг от друга.

Обратим внимание на невербальные знаки адвоката. Во время получения замечания его руки скрещены, что создает барьер, закрывает его, он перебирает большие пальцы рук, что свидетельствует о напряжении, трогает свою руку, пытается успокоиться. После этого адвокат присаживается, резко придвигает стул, берет ручку, несколько раз ее вращает в руках, открывает и закрывает колпачок, бросает на стол. Таким образом, адвокат выражает свое несогласие, а соответственно и чуждость по отношению к судье посредством критики и подкрепляющих ее резких, закрытых жестов и фонационных средств – повышение голоса, увеличение темпа речи.

III. Адвокат – свидетель. Перейдем к рассмотрению особенностей речевого поведения адвоката в диаде «адвокат – свидетель».

Адвокат: *Я вот к чему веду. Скажите, пожалуйста. Первое: как Вы полагаете, все-таки, человек может иметь твердое убеждение, не располагая теми доказательствами, которые принимает суд? Это убеждение его, его уверенность должно быть уважаемо в демократическом обществе?*

Свидетель: *Да. Но при этом, еще раз, если мы хотим, чтобы нас считали демократическим обществом, если ты имеешь убеждение и ты пишешь, что «я уверен и у меня есть доказательства», ты предъяви. Если у тебя нет этих доказательств, то, извиняюсь, это значит, что ты либо пустобрех, либо болтун, либо человек, который оговаривает другого человека. Вот и все.*

Адвокат: *Это мы выяснили как раз. У меня последний вопрос. Вы сказали, что, если бы Вы назвали меня убийцей, я предъявил бы Вам иск. Скажите, пожалуйста, по данному делу Р.К. предъявил иск о защите чести и достоинства О., и это дело выиграл. Я не буду, я не участвовал в этом процессе, не буду возражать. Вот теперь О. привлекают еще и к уголовной ответственности за его уверенность и убеждение... Так вот, как Вы считаете, еще дополнительно и уголовное наказание, как уголовного преступника?*

Свидетель: *Если есть на то основания и если в суде это будет принято и будет принято соответствующее решение судебное, значит, были основания. Это, я извиняюсь, уже прерогатива суда. Каждый гражданин вправе подать иск в порядке частного обвинения, Вы знаете это [4].*

В указанном примере адвокат, защищая своего доверителя, вступает в борьбу с оппозиционной чуждой стороной, намеренно использует **прием апелляции к нормам поведения и правам граждан** в демократическом обществе; показывает, что подсудимый такой же равноправный гражданин, как и все присутствующие в зале; указывает на недопущение прямого нарушения его прав.

Данный ход создает **психологическое давление** на участников процесса, заставляет задуматься о правомерности действий стороны обвинения. Более того, речевое поведение адвоката всецело ориентировано на победу в данном деле и достигается с помощью композиции умело подобранных риторических вопросов к свидетелю, на которые определенно последует положительный ответ (*человек может иметь твердое убеждение, не располагая теми доказательствами, которые принимает суд? Это убеждение его, его уверенность должно быть уважаемо в демократическом обществе? Вот теперь О. привлекают еще и к уголовной ответственности за его уверенность и убеждение... как Вы считаете, еще дополнительно и уголовное наказание, как уголовного преступника?*). Даже выступление свидетеля со стороны обвинения, обладающего определенным авторитетом в правозащитной среде, защитник старается обратить в свою пользу и использует выгодные выводы для защиты подсудимого. Данный прием **апелляции к авторитетному мнению**, вводит в дискуссию еще один голос, еще одного незримого участника, который становится гарантом выдвигаемого защитником тезиса [7].

В следующем отрывке из стенограммы судебного заседания сторона защиты демонстрирует достаточно распространенную для ситуации допроса **стратегию психологического давления** на свидетеля, имеющую непосредственную связь с категорией чуждости.

Адвокат: *Я вынужден затронуть этот вопрос, поскольку у меня, конечно, это вызвало улыбку некоторую, не буду скрывать. Вот представитель потерпевшего задавал вопрос такой – производит ли Кадыров вообще впечатление криминального человека. Скажите, а что, есть какие-то научные*

данные, на основе которых по внешности человека можно определить – он что, криминален, или он не криминален? Вы что, поклонник Ломброзо?

Свидетель: Я не поклонник Ломброзо, но очень большой опыт педагога, который работал с детьми, с «трудными» детьми – а я в свое время был директором самой «трудной» школы в городе Москве, занимавшей первое место по преступности и правонарушениям в 80-м году – я очень прекрасно, хорошо понимаю, как можно увидеть уже даже по внешнему общению, по разговору с человеком, есть ли у него некоторые проблемы с этим или нет. Но это не значит, что надо сразу делать выводы и человека записывать в преступники.

Адвокат: Но Вам там, наверное, известно все-таки, Вы же культурный человек, опыт каждого из нас ограничен. Так вот, в целом, по истории...я просто хочу прямой вопрос Вам задать: можно ли по внешнему виду, общаясь спорадически с человеком, вообще сделать заключение?

Свидетель: Нет. По внешнему виду господин Чикатило вообще выглядит как законопослушный.

Адвокат: Вот видите! [4].

Данный пример показывает, что любое судебное заседание имеет ярко выраженный характер борьбы, на котором противоборствующие стороны всегда чужие. Именно этим объясняется стремление каждой из сторон доказать свою правоту всеми разрешенными законом методами. Адвокат разворачивает **стратегию защиты** посредством **приема давления вопросами**, он пытается подавить свидетеля, склонить его на сторону защиты и получить информацию, выгодную для оправдания подсудимого. **Прием говорения колкостей**, на наш взгляд, проявляется в первой реплике адвоката, где он пытается указать на низкую степень достоверности суждений свидетеля и обращает внимание суда на субъективный характер его взглядов. Одновременно с этим, адвокат указывает на непросвещенность свидетеля, уточняет наличие научного подтверждения высказанного мнения, более того защитник **ссылается на третье лицо**, а именно авторитетного эксперта Ч. Ломброзо. В форме вопроса *Вы что, поклонник Ломброзо?*, защитник одновременно подшучивает над свидетелем. Такой ход создает впечатление саркастического отношения к позиции свидетеля и в очередной раз работает на проявление категории чуждости. Отметим, что в некоторой степени цель защитника была достигнута, свидетель вынужден оправдываться и даже привести факты из биографии, дабы подтвердить правоту взглядов. Эмоция радости защитника выражается в финальном восклицательном предложении.

В итоге, мы приходим к выводу, что агональный характер СД во многом предопределяет речевую деятельность его агентов, в которой отражено постоянное и обязательное присутствие категории чуждости. У адвоката данная категория проявляется в двух основных линиях поведения: обязательной и факультативной. Анализ обязательной ритуально обусловленной линии поведения позволяет нам выделить несколько пар участников, а именно «адвокат – прокурор», «адвокат – судья» и «адвокат – свидетель», при столкновении с которыми на судебном заседании в коммуникативном поведении адвоката реализуется категория чуждости. Подробное рассмотрение стенограмм судебных заседаний позволило нам установить, что, защищая позицию подсудимого на судебном заседании, адвокат в своем коммуникативном поведении чаще всего апеллирует к следующим коммуникативным: стратегиям защиты, психологического давления, дискредитации; тактикам критики, часто в форме критического уточнения с предосторожностью или прямого нападения на оппонента; атаки вопросами, в основном риторическими, т.е. с заведомо определенными, выгодными для защиты ответами; приемам: апелляции к моральному аспекту, переноса акцента, противопоставления своих и чужих, апелляции к нормам поведения и правам граждан, апелляции к авторитетному мнению, давления вопросами, говорения колкостей. Анализ видеопримеров предоставил возможность выявить некоторые невербальные средства, сопровождающие проявление категории чуждости, например, резкие, закрытые жесты и фонационные средства – повышение голоса, увеличение темпа речи.

Литература

1. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. [Электронный ресурс] URL : <http://www.bibliotekar.ru/kodex-9/11.htm>.
2. Дело Аракчеева. [Электронный ресурс] URL : <http://www.arakcheev.info/node/217>.
3. Дело Аракчеева. [Электронный ресурс] URL : <http://www.arakcheev.info/node/218>.
4. Кавказский узел. [Электронный ресурс] URL : <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/176327>.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5 –10.
6. Прения сторон по делу Кучеренко В.В. [Электронный ресурс] URL : <http://www.youtube.com/watch?v=CV15FVtDWsM>.
7. Ducrot O. L'Argomentazione per autorità // S. Airoldi ed. La lingua attivata : Pragmatica, enunciazione, discorso. Milano : Angeli, 1982. P. 7–25.



Verbalization of category "otherness" in speech behavior of lawyer

The article deals with defender's obligatory and ritual line of behavior within the judicial sitting. The author focuses on the correlation between this line and the category "otherness", studies the verbal means of communication identifying "otherness".

Key words: judicial discourse, judicial sitting, communicative category, otherness, communicative strategy, communicative tactic.